Сергей Солоух

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

РОМАН

Самое время!

Сергей Солоух

Рассказы о животных

«WebKniga»

2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84Р7-4

Солоух С.

Рассказы о животных / С. Солоух — «WebKniga», 2016 — (Самое время!)

Вызывающе неполиткорректная книга. Ни прощения, ни сочувствия – ни бывшим врагам, ни их соплеменникам, ни их седьмой воды на киселе родственникам: «сволочь немецкая». Служба, на которой «противно и неприятно все». Университет «как некий особый подвид супермаркета». Реальность, «чтобы ощутить которую, весь ужас ее, счастье и неотвратимость, нужно сделать ошибку». Догадка: «так вот кто это все творит, ночами слепит фарами, а среди дня жестоко подрезает. Животные!». И лишь несколько мгновений счастья и покоя, за каждое из которых приходится расплачиваться тяжким похмельем… Сергей Солоух продолжает писать историю придуманного им, но такого потрясающе подлинного города Южносибирска – на сей раз от лица «коммивояжера с правами категории „В“». Каждый, кто держал в руках автомобильный руль, никогда не забудет этих страниц. И поймет стон героя: «Собаки, возьмите к себе человека».Содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-3
ББК 84Р7-4

© Солоух С., 2016
© WebKniga, 2016

Сергей Солоух
Рассказы о животных
Роман

© Сергей Солоух, 2016
© Валерий Калныньш, оформление и макет, 2016
© «Время», 2016

* * *

– Ебаный конь!

Он не поставил знак. Чертов треугольник. Знак аварийной остановки. Он должен был это сделать. Обязан. Воткнуть эти два локтя гайской геометрии. Расправить. И с этой, с этой, южной стороны подъема, ну или, если было в лом пройти пятнадцать метров навстречу едущим в ночи, тогда уж на точке взлета, на самом переломе. Хотя бы так. Чтобы помаргивала в свете фар, чтоб бликовала, как звездочка на кладбище, могилки там, могилки на севере, на скользком ноябрьском асфальте. Блестящем, как лунная наждачка, но скользком, как холодный нож. Только водитель серого «сарайчика», «газели» или японской праворучки с будкой не сделал самого простого. Забыл, или забил, или же просто умер, самым последним движением руки, всей силой крови, всей черной массой гавкнувшей из лопнувшей аорты, лишь затянул ручник. Не важно. Теперь не важно. Его машинка с будкой стояла точно на полосе. Торчала на спуске, в какой-то сотне метров от точки переката север – юг. И приближалась стремительно, неумолимо неслась навстречу, ширилась, чуть-чуть подрагивая в конусе ближнего света, и снег, седой, дорожный, трупной коростой ощетинился на серебре ее дверей и мертвых углях габаритов.

Удар неизбежен. Дикий скрежет, после которого забвение и тишина. Справа необыкновенно узкое плечо предательски неверной обочины, за которой резко обрывающийся в снежную, бездонную тьму черный откос. А слева, на встречке, заставляя танцевать мелкую лунную хмарь, неумолимо приближаются два желтых буркала чего-то огроменного, как паровоз. Выхода нет. Нет выхода. Есть только меньшее из трех возможных зол. Из мрака лобового столкновения, неважно, с неподвижным или движущимся препятствием, нет никакого шанса вынырнуть; из белой искусственной пурги, летящей кувырком, через себя в кювет машины – есть небольшой. Но прежде чем взять вправо, туда, где неизвестность с одним шансом на спасение, или же дерево, береза, приблудившаяся поближе к человеку, или же сам человек, тот самый, водила обездвиженного на проезжей части ночной дороги Киселевск – Карагайла сарайчика на четырех колесах, копается, быть может, согнувшись в три погибели, у заднего моста своего мертвого кормильца, нужно попытаться во что бы то ни стало сбросить скорость. Притормозить. Но только не педалью. Не дай бог. На ветром облизанном леденце ночной, декабрьской дороги немедленно сорвет, закрутит. И бесполезным станет тогда все. И руль, и двигатель, и тормоза. И физика, случайная точка раскрытия параллелограмма сил, по своим собственным законам произвольно выберет зло, большое, малое или все три, какие есть в наличии. Удар боком плашмя в будку-газельку, после чего левой водительскою частью морды – в совиные глазенапы фуры, чтоб напоследок, уже задом, вертясь с угла на угол крыши, лететь в провал, кювет с его березой или бетонным праздничным столбом межи района.

Толькой коробкой. Не теряя ни одной секунды. Третья передача, вторая. При каждом перещелкиванье ручки гул под капотом нарастает, а нос машины припадает, льнет к стеклу асфальта. И десять, двенадцать километров минус с тех девяноста с небольшим, с которыми

перевалил злосчастный бугорок, чтобы открылся не длинный ровный расчес в снегах до следующего бугра-перевала, а стенка. Стальной квадрат сарая с густо запорошенными цифрами госномера. Как быстро и неумолимо он надвигается, уже закрыл весь горизонт, уже заполнил всю ширь лобовика. И сколько же осталось энергии убийства в скромной жестянке собственной машины? Допустим, даже и удалось не десять, не двенадцать, а с каждым перескоком на пониженную отнять пятнадцать километров от исходных девяноста, тогда еще приличных шестьдесят. Достаточно, вполне еще достаточно для проникающих ранений всех видов, разнообразных переломов костей, разрывов сочленений и полного вечерними, нечищеными зубами резинового коврика. Нет, биться в стену с закрытыми, снегом и льдом закованными дверцами никак нельзя. Надо брать вправо. Вправо. Все. Пора. На узкую обочину, которая не может удержать. Не сможет.

Но что это? Что это? Тентованная задница идущей по встречке в облачке белых блестящих мух фуры оказывается не такой безмерной и бесконечной, как бронепоезд. Между сараем маленьким, завязшим, вросшим в эту полосу шоссе, и огроменной колбасой, идущей, тянущейся вверх по встречной, возникает зазор. Узкая, но быстро ширящаяся полоса тьмы. Они расходятся, расходятся, и открывается шанс, прежним раскладом никак не предусмотренный. Четвертый. Остаться на дороге. Как-то нырнуть в узкий, но раскрывающийся, да, раскрывающийся, точно мешок Деда Мороза, угольный зев слева.

Конечно, скрежет будет. Будет. Этого не избежать. Но не короткий и ужасный, от лобового столкновения, когда все разом всмятку, и кости, и металл, совсем другое – долгий, бегущий по всему хребту от шейных позвонков до копчика, скрежет от смятия самым первым переднего крыла, потом дверей, одной, второй, и завершающийся уже волной по заднему крылу с отрывом бампера. Соприкосновение по касательной с пробочным выстрелом отлетающего зеркала заднего вида. Или двух сразу. Но это лучше, много лучше всего того, что раньше случай предлагал. Страдать будет одно железо, а тело только сожмется от ужаса. И разожмется позже. В тишине. Живое и невредимое. Скорее всего.

И Игорь уходит влево. В дыру, черную пропасть, которая все шире, все желанней распахивается на встречной полосе. Счастливое решение, озарение – протыриться, пускай впритирку, пускай с обрывом дверных ручек и зеркал, но проскочить. Остаться на дороге и может быть в живых.

Машина на второй отзывчива на самое легчайшее движение педали газа, колеса, прижатые к дороге предыдущим торможением, реагируют, кажется, не на движенье руля, а самой мысли. Все в организме собралось в один литой комок, и лишь трепещут, чуть ли не сами верещат, барабанные перепонки, поют в предчувствии всей гаммы звуков, рождаемых, когда корежится, волной стиральной доски идет металл. Справа при соприкосновении с углом будки «газели» и слева – от обратившейся в коготь задней, широкой причальной рамы фуры. Мгновение, другое. И ничего.

Лишь пустота дороги до горизонта. Черная линия, шрам от ногтя на белой, лунной коже декабря. Проскочил. И даже не коснулся, не задел. Из безнадежной, глухой ловушки вынырнул на свободу. Сам целый и с целою машиной. Так не бывает, не бывает, но вот поди ж ты.

И только под утро, уже дома Игорь проснулся от удара. От не случившегося. Мгновенно, в ужасе, в ознобе, от крика, от взрыва в голове. Но с ясным видением – там, на ночной дорогое, случай, его счастливый случай мог по-другому распорядиться. Совсем иначе.

Сразу за фурой, за первой двухэтажной дурой по встречке, на трассе Киселевск – Карагайла могла идти вторая, сейчас же, следом. Чудовище с белыми, налитыми горячей слепотой глазами ближнего света и желтыми, бессмысленными и тупыми, подглазьями противотуманок. Еще один ЖД-состав на всех парах, разогнанный американским дизелем до сотни километров в час. Неумолимый вершитель судеб. И прав был бы тогда не Игорь, везунок, счастлив-

чик, интуитивно, в доли мгновения нашедший выход, решивший кинуть свою машинку влево. Свистнуть на чистую удачу в пасть, в чернильный, беспросветный омут ночи.

Прав был бы тогда водила фуры, перед ударом, перед тем как ему капот и ветровое дождем засыпет, рваниной из стекла и мяса, зверюгой заоравший, пославший как проклятье в морду ловкачу, внезапно из черной щели, из пустоты, из ниоткуда каким-то чертом вылетевшему ему в лобешник:

– Ебаный конь!

* * *

Когда это началось? Когда он перестал употреблять даже сорное, автоматическое «боже мой»? Когда он понял, что звать и обращаться не к кому?

Давно. Очень давно. Когда перед номером региона еще не было единицы. В две тысячи втором. Весной. Когда Алку еще не выгнали из института, когда еще была надежда, что это можно вылечить.

В универсаме на Советском Игорь встретил Олега Запотоцкого.

– А ты все там же? – спросил Олег, после короткого, без электричества, в один сердечный пульс рукопожатия.

«Все там же» означало – на кафедре. В Политехническом, ставшем в большую косметическую бурю девяносто третьего университетом. С приставкой Т – технический. На кафедре. На той самой, общей и для Игоря, и для Олега.

В семьдесят восьмом заведующим этой кафедры избрали отца Игоря, Ярослава Васильевича. Запотоцкий как раз заканчивал и был любимым учеником отца. Они уже писали статьи в соавторстве. А Игорь всего лишь навсего учился на третьем курсе. Только-только начинал работать на теме у одного из первых отцовских аспирантов, в ту пору уже сорокалетнего доцента. Естественно, что Запотоцкий, звезда своего курса и будущее науки о системах управления, относился к сыну своего научного руководителя как старший брат. С легкой иронией и покровительством. Симпатизировал, но уважать не собирался. Да, собственно, и все вокруг так относились к Игорю, который от отца, рожденного и выросшего под Витебском, на белорусской трехразовой, универсальной бульбе, унаследовал самую неподходящую для Западной Сибири фамилию. Валенок. Игорь Валенок. Игорь Ярославович.

И такой взгляд на него – как на последа, а не наследника, как на нечто не вполне самостоятельное, приданное, изменился только на пятом курсе. Но вовсе не благодаря науке, хотя он ею достаточно успешно занимался и прямым ходом шел в аспирантуру. Чем-то отдельным и главное самоценным в глазах всех окружающих Игоря сделала Алка. Алка Гиматтинова, ставшая его женой. Алкой Валенок.

– Все там же, – ответил Игорь Олегу Запотоцкому тогда, в две тысячи втором, в универсаме. Две металлические ручки пустой корзины для товаров, которую он не успел еще наполнить морковкой и кефиром, черт знает от чего мелко позвякивали.

– Призвание? – ласково усмехнулся Запотоцкий. В его корзине лежала батарея, целая горка из искрящихся бутылок импортного пива. Штук шесть или, быть может, восемь зеленых шей в золотых генеральских воротничках. Все из того, дорогим кофе и ванилью пахнущего закутка универсама, в который Игорь никогда не заходил. Даже из любопытства.

Призвание? Игорь пожал плечами.

– Наверное…

Или же патология. Особенность психофизичского строения организма. Отец был точно таким же, как Игорь, закрытым, замкнутым, и даже сверх того, порою просто недоверчивым, угрюмым человеком, но поднимался на лекторскую кафедру – и словно в кипяток нырял, и шкура лопалась у бульбы. И обнажалось что-то яркое, рассыпчатое, необычайно привлека-

тельное. Питательное и питающее. Мир. Тайный мир связей и смыслов. Нечто еще не видимое, не осознаваемое здесь и сейчас, пока еще, этой наивной, девственной аудиторией, полусотней глаз, ушей, голов, но существующее. Существующее. Прекрасное и цельное. Самое важное на свете.

Это порода. Наверное. Конечно. Ни прадеда, ни деда Валенка Игорь не видел никогда, но, если один был сельским учителем под Могилевом, а другой директором станкоинструментального техникума в отцовском Витебске, значит, эта лампадка смысла горит давно. Ну да. Из поколенья в поколенья перелетает мотылек света с фитиля на фитиль, от колбы к колбе закрытого от всех, задраенного и застегнутого тела Валенков. И ничего другого, чтобы понять и оправдать свое существование на белом свете. Лишь огненная бабочка, с синими, желтыми, красными – всегда меняющимися ободками на быстрых крылышках. От деда к внуку, от отца к сыну. Лишь это. Лишь одно. И только Игорю было дано хоть что-то сверх того. Его Алка.

– Но ведь это же тупик. Тупик, – Запотоцкий улыбался все так же ласково и говорил с какой-то необычной, особенной, едва ли не родственной теплотой. – Это, конечно, было хорошо, доцентом быть, кандидатом технических наук, тогда, во времена Ярослава Васильевича. Не спорю. И прибыльно, и почетно. Даже для беспартийного был шанс расти. А сейчас? Они хотя бы платят вам, или все продолжается уже на голом энтузиазме?

– Платят, конечно. Два раза в месяц, – ответил Игорь, чуть-чуть качнулся, даже кивнул головой и от этого его пустая универсамовская корзинка для товаров нелепо и жалко звякнула. Запотоцкий, как будто только сейчас заметив в руках у Игоря лукошко из нервных стальных прутиков, по-детски рассмеялся.

– А может быть, ко мне пойдешь? Не хочешь?

Запотоцкий ушел с кафедры, когда такой поступок еще казался безрассудством. Минутным помутнением мозгов. В девяносто втором, ровно за год до смерти отца. Но в бизнес окунулся много раньше. Его кооператив возник чуть ли не самым первым в институте. Какие-то консультационные услуги, объединение преподавателей для дойки двоечников. Сама идея, помнится, казалась отцу разумной.

– И правильно. Так во всем мире, не хочешь, ленишься – плати.

Потом к этому добавились компьютеры. Запотоцкий и боевой племянник ректора Антон Корецкий стали снабжать институт черно-белыми экстишками с десятимегабайтными жесткими дисками. Лишь паре избранных кафедр достались эйтишки с батарейкой для часов и дисками по двадцать мегабайт. На отцовскую пришлась даже пара таких красавиц, но это Валенка-старшего уже не радовало. Кто-то ему показал счета и прейскуранты конкурирующих, но не институтских кооперативов. Посторонние предлагали то же самое, но в полтора раза дешевле. Это разумным уже не представлялось.

– Ничего не понимаю, – все повторял отец, то открывая, то закрывая томик Венцель, и оттого казалось, что не жизнь его впервые вдруг смутила, а положение теории. Математическая формула. Нечто безукоризненное по своей сути.

Когда он, наивный человек, в курилке ученого совета спросил об этом ректора Корецкого: как так, ведь можно три вместо двух покупать, если пойти по объявлению в газете, – тот только ухмыльнулся и радостно сказал, что завтра подпишет еще один договор, на двадцать дополнительных настольных ЭВМ, среди которых будут две 386-е.

– Вам ведь такая не помешает, Ярослав Васильевич? Все ваши модели разом обсчитаете во всех режимах.

Конечно, было бы только кому. Сначала с кафедры ушел Запотоцкий. За ним племянничек Корецкого, а потом и самого отца не стало. На его место избрали того самого доцента, у которого Игорь начинал когда-то, много лет назад, программировать на языке ЭЦВМ «Наири». Высокий и доброжелательный, и только-только разменял полтинник. Евгений Рудольфович Величко. Похожий на мушкетера. Его, в отличие от отца, динамика все

больше и больше ускорявшегося, в разнос идущего процесса не удивляла. Упадок и разложение ни капли не смущали. Покуда сохранялся, существовал, порядок внешний. Планы, журналы, показатели. Все шло, как надо. Хорошо. И он, наверняка, не удивился бы, принял как должное, что вот стоит один из некогда лучших и перспективных учеников профессора Валенка и предлагает уйти с кафедры его сыну, доценту, преподавателю со степенью и стажем, который тянет девятьсот часов в год. Все по закону, правильно. Такая диалектика. Закон природы. Глупо сопротивляться.

– Послушай, Валенок, – сказал Запотоцкий, и в этом вдруг ставшем фамильярным тоне был новый, необычный оттенок покровительства. Он, Олег Геннадьевич Запотоцкий, ныне, двадцать лет спустя, снисходил не к последу своего учителя, неуклюжему мальчишке, а и к самому учителю, лично, и вообще ко всей их смешной картофельной династии всю жизнь учивших да учившихся, – у меня буквально на следующей неделе освобождается место ведущего менеджера. Полста в месяц будешь иметь легко, если научишься крутиться.

Крутиться. Звучало как приглашение в Большой театр. И денег в четыре раза больше, чем сейчас. Немыслимая какая-то сумма. Астрономическая.

– А делать-то что, Олег? Крутиться в каком смысле?

– В самом прямом.

– Ну, то есть?

– Торговать, – Олег Геннадьевич счастливо рассмеялся, и очередь пришла уже его бутылкам звякнуть. Снарядам из европейской толстой зелени. Триумфально, как подобает генералитету.

– Это совсем не сложно для человека с головой. Стоит начать – и втянешься, само пойдет, – добавил Запотоцкий.

И вот что удивительно, Игорь не сказал ему естественным, природным образом, нисколько не задумываясь:

– Ну, это не наше, выгадывать копейки, химичить, да шустрить. Не наше, пусть другие, – как говорил всегда отец в ответ на робкий вопрос матери: может быть не стоит дворничихе старые вещи отдавать, а все-таки снести в комиссионку?

– Не знаю… Спасибо… Подумать надо… – вот что Игорь Валенок пообещал Олегу Запотоцкому под жалобное звяканье дурацкой, пустой и легкой, сумки для товаров.

– Подумай, конечно, время есть, – все также ему мирволил и благоволил человек, отягощенный праздничным штабелем пива.

А Игорь, в общем-то, и не стал. Пришел домой и разом все решил, едва лишь Алка, начав в прихожей и завершив рассказ свой в кухне, как-то радостно и даже гордо сообщила, что слово сдержала и съездила на консультацию «в этот разрекламированный центр» и, с доктором посовещавшись, согласна пойти туда и закодироваться.

– Три курса и за каждый три тысячи. Найдем ведь?

– Конечно, – кивнул Игорь. – Обязательно. Ты умница.

И уже утром набрал номер, который Запотоцкий ногтем для вящего удобства подчеркнул в своей визитке.

Только обманул Олег Геннадьевич. Ввел в заблуждение. Придется не столько крутиться, сколько крутить. Баранку, рулевое колесо. Наверчивать по три-четыре тысячи кэ-мэ в отчетный месяц, по области мотаясь, от города к городу, от одного клиентского офиса к другому. Коммивояжер это называлось в старину. Да, коммивояжер с правами категории «В». Документик и легче, и компактнее, чем ваковские корочки кандидата технических наук или доцента. Только не греет, как те, забытые теперь где-то в шкафу на полке, а мертвой, холодной ледышкой лежит в нагрудном кармане. В сентябрьском густом тумане по утрам или же ночью в беспросветную февральскую метель.

* * *

– А! Ссышь! – услышал Игорь еще в коридоре. – Очко жим-жим! – и понял, что эти двое уже на месте. На еженедельную вторничную планерку прибыли.

– А че мне ссать-то, слышь, хер ты потный? Если только на всех, и на тебя в первую голову, с высокой колокольни! – беседы его коллег по разъездному бизнесу, особенно с глазу на глаз, особой утонченностью обыкновенно не отличались.

Их двое, коммивояжеров эпохи беспроводной связи. Парочка. Оба похожи на бывших студентов Игоря, только разного призыва. Один, тот, что постарше, маленький, с удивительной рожей в веснушках-конопушках, от их обилия как будто бы двоящейся, троящейся, все время ускользающей из фокуса, был словно из второй половины восьмидесятых, а другой, высокий, весь из костей и жил, наглядный, как пуля или кукиш, мог бы учиться в конце девяностых. Эти, в отличие от первых, что в мягком сальце непроясненности, уже не врали, пряча глазки, пургу не гнали про знания и ценную специальность, а сразу честно сознавались, что тут вот, в техническом университете, лишь для того, чтоб откосить от армии.

Здешний экземпляр такой же, без экивоков:

– А что, Игорь Ярославович, правду вот товарищ вчера лепил, что вы кандидат наук?

– Правду.

– Смотри как, а я вот, например, технарь и тот не смог закончить.

При этом сам-то товарищ, который вчера неизвестно почему и для чего лепил, рядом стоит, помалкивает. Лишь косится да ухмыляется. Опять подставил дылду. В очередной раз дернул за веревочку. И, кажется, все время кажется Игорю, что видит он этот характерный блин рожи без постоянной и определенной формы не в первый раз. Учился он у него. Сидел за первой партой. Но вот фамилия… Удивительная фамилия Полторак. Андрей Полторак, полтора рака равно половине таракана, из памяти не вызывает ничего. С образом никак не соединяется. Значит, ошибка, удивительное совпадение.

Обычно при Игоре Ярославовиче эта парочка, Полторак и Гусаков, особо не собачатся. Щурятся да чешутся и глазками стреляют, но сегодня так завелись и разогнались, что даже появление в кабинете старшего по возрасту и званию не обрывает горячий обмен любезностями. Напротив, Гусаков, как будто даже вдохновившись, вот честный человек пришел, не то что мы – мошенники, мутной воды не будет нагонять, сейчас же приглашает включиться, сказать чистую правду.

– Игорь Ярославович, машины-то ведь наши? Правильно же? Так же? Да даже если и расхлестаю ее в хлам, Запотоцкому-то какое дело? Он по-любому все до копейки взыщет!

– Ну, если в хлам, наверное, его уже не деньги будут интересовать, а то, как вам работать. А вы, Борис, действительно серьезно побились или только теоретическую возможность пока рассматриваете?

– Да ничего я не рассматриваю. Дурак я, что ли. Нет, так, царапина, и все. Чиркнул на той неделе одного придурка, да уже все сделал. Можете посмотреть, не видно ничего, как новая, – Гусаков махает рукой в сторону окна, где, надо думать, под стеной внизу во дворе блистает его вновь ставшая безукоризненной «двенашка».

– Вот я и говорю, – сладко вступает Полторак, – даже бабла у меня занял, чтоб поскорее подлудить. Ссыкотно. И так уже очков, Бобок, на до свидания у Запотоцкого на тебя немеряно.

– Да что ты, гнида, мне все эти очки тычешь? Какие еще очки? Свои лучше считай. Или надень себе на нос, если херово видишь. Меня-то он как раз не выгонит, пока не рассчитаюсь. А вот тебя он запросто под зад ногой, и сколько хочешь радуйся тогда, что с его ссудой уже разделался.

Самое правильное немедленно исчезнуть, но нужно распечатать отчет к сегодняшнему совещанию у Запотоцкого. И Валенок задерживается. Сначала бумагу заряжает в пустой лоток, потом перегружает зависшее устройство, потом вытаскивает замятый из-за собственной же спешки лист – и снова все сначала. В результате картина происшествия недельной давности из реплик все больше и больше кипятящихся коллег складывается довольно ясная и более чем заурядная.

В четверг, пытаясь выбраться из хаоса вечно переполненной стоянки у офисного центра на Кирова, Борис Гусаков хорошенько проехался передним бампером своей «двенашки» по боку чужой машины. По какой-то причине срочно решил отремонтироваться и занял денег у бережливого Андрея Полторака. Теперь последний вкушает все радости, ему положенные и доступные как щедрому кредитору. Травит и дразнит Бобка, так он обычно зовет по-дружески Гусакова: ха, сдрейфил кореш, смалодушничал перед возможным гневом генерального.

Ну что же, возможно, не без этого. Трухнул очередной разборки. И так отчего-то много в последнее время накопилось того, что эти двое называют «косяками», за Борей, Бобком Гусаковым. Мог бы и это лыко в строку сунуть Запотоцкий. Машину поцарапал. От суммы ссуды и половины не возвратил, а имущество, еще по сути компанейское, уже не бережешь. Мог бы, конечно, такой же добрый кредитор, Олег Геннадьевич Запотоцкий, как и Андрей Андреевич Полторак, те же права травить и издеваться. Отчего бы и не воспользоваться?

Но все. Два листа отчета упали в пластмассовый карман устройства. Можно покинуть поле боя глупого бобки с лукавой гнидой, одной второю таракана. Игорь выходит из кабинета, но сразу у него за спиной хлопает дверь, и тут же накрывает дыхание Гусакова.

– Игорь Ярославович, ну это, выручите, пожалуйста, елки-моталки… Одолжите три тысячи. Обхаживает там свои жэки да школы, и, блин, живьем меня сожрал бы, только бы мои прямые продажи под себя подмять. Все выжидает случая. Одолжите, Игорь Ярославович, не откажите, по-отечески, так сказать, пойду, глотку заткну ему, сучку, а то прохода нет. Честное слово, уже сколько раз, блин, зарекался, ведь знал же наперед, что замотает, падла рыжая, заколебет… А вам отдам… Отдам вот прямо в эту пятницу, конец же месяца, как раз объеду точки – и сразу же…

– Три тысячи, что-то вы легко отделались, Борис, это только-только на ваш бампер, а у того человека какие повреждения?

– Да черт бы знал, чего там у него, – в полумраке коридора Гусаков уныло качается перед глазами, как обрубок кривого, грозой снесенного ствола карагача. – Я чо, смотрел? Уехал сразу, чего там было рассусоливать, у него, у лоха, даже сигналка не сработала…

* * *

Как быстро, как легко вовлекаешься в эту игру. Становишься животным.

Светло-серая лента утренней дороги, светло-голубое небо сухой осени, и такое же, без резких красок и оттенков, состояние души. Всеобщая промытость. Едешь не слишком быстро и не слишком медленно, все время радуясь тому, как очень аккуратно и совершенно точно рассчитываешь момент приближения к очередной помехе. «Оке» или «КамАЗу». Как неизменно совмещаешь со свободной встречкой, чтобы не нюхать черных или синих выхлопов, не поджидать под колесом, рискуя получить камешек в лобовое стекло. Щелкаешь инвалидку или грузовик сходу, быстро, без задержек – и снова ничего лишнего, ненужного перед глазами. Лишь горизонт, чистая линия, где светло-голубое переходит в светло-серое.

Так нет же, когда все легкие, короткие движения ногами и руками уже приобретают приятную предсказуемость и простоту автоматизма, качели тихой радости внезапно стопорятся. И нужно не ускоряться, а тормозить. Решительно и быстро. Сплющивать воздух между собой и кузовом, груженным доверху и выше лесом, потому что в зеркале заднего вида обнаружива-

ется масса. Огромный наезжающий на все и вся «ниссан пэтрол». Откуда он взялся и с какой скоростью летит, если десять секунд назад все было чисто слева, а теперь забито и заполнено, не шевельнуться? Сто сорок? Сто пятьдесят?

Есть, пролетел вперед. Но из-под лесовоза все равно не выскочить, не убежать. В зеркале заднего вида теперь другая тень. Старая «камрюха», привязавшаяся где-то в районе Береговой, все силившаяся держать темп, не просто тут наконец настигла, а пользуясь моментом, перестроилась и начала обходить. Типичное поведение праворучки, в которой ничего не видно: пристроиться за зрячим и на хвосте уйти вперед. Да только не за тем он потянулся, ведь видно сразу, что ничего в «камрюхе» старой уже нет – ни бешеных лошадей «ниссана», ни счастливой звезды ее хозяина. Только и может сделать Игоря да выйти на задние колеса длинного тягача, а впереди на встречной полосе уже нарисовался квадрат междугороднего автобуса.

Игорь бросает газ, освобождая инстинктивно место, чтоб «камрюха» могла вернуться на свою полосу. Встать между ним и лесовозом. Но закусивший удила ее водитель и не думает сдаваться, он продолжает упорно гнуть свое. Пытается обогнать. Вытянуть жилы из хорошо и много уже побегавшего тела. Еще чуть-чуть, еще немного раскрутить несвежий уже движок.

Вспыхивают стоп-сигналы грузовика, теперь уже и он включился в спасение недоумка на много раз б/у япошке. А впрочем, и в свое собственное, и Игоря, и всех, не ведающих горя, там сейчас, в автобусе. Если влетит кто-то в кого-то, да просто заденет, такое будет месиво из четырех транспортных средств, что мама не горюй.

Игорь отчаянно пытается отстать как можно больше. Лесовоз, исчерпав все оттенки яркости своих стопарей, резко берет вправо, вздыбливая всю пыль обочины. И слева едва ли не синхронно стреляют вверх сухая желтая земля и черные камешки. Это в свою очередь взял вправо автобус. И «камри» проскакивает по белому пунктиру разделительной. А через минуту сам Игорь обгоняет груженный лесом доверху и выше «МАЗ» по вновь ставшей невинной и пустой ленте утреннего шоссе.

Все. Но горизонт уже не мягкий, акварельный с чистой водичкой серого и голубого. Какие-то чернила, жирная клякса втекает в поворот там, впереди, на горочке. «Камрюха». Она. Недалеко ушла и быстро приближается. Наверное, каких-то восемьдесят едет, не больше. Поджилки сработали, задним числом вступили в дело, пот выступил во всех местах и сразу, когда дошло, какую кашу едва было не заварил? И бог с ним, главное, чтобы не заслонял неба и седины дальних берез.

Игорь бросает взгляд в левое зеркало, включает поворотник и в легком нетерпении, чтобы скорее забыть всю эту несуразицу, чтобы вернуться в безмятежность утра, чуть раньше, чем следовало бы, метров за тридцать от темно-сливового хвоста, похожего на старый, дорогами помятый чемодан, выходит на левую полосу. Сначала слегка притапливает, потом пожестче, но расстояние до чемодана, легко сжимавшееся в первые секунды, внезапно перестало сокращаться, прозрачный воздух, разделявший две машины, как будто зажелировался и не пускает. Не дает догнать и перегнать.

– Козел!

Он что, внезапно испугался, решил – Игорь его обгонит, прижмет к обочине, и вместе с подоспевшим водилой лесовоза начнет бить? Или же проще, ни за что не хочет уступать самоубийственными трюками полученное преимущество? А впрочем, разбираться некогда, из-за крутого поворота, закрытого плотным подлеском впереди выныривают фары встречной машины. И быстро из пары маленьких ласковых звездочек превращаются в безжалостные шары хищника.

Игорь мгновенно, рывком уходит вправо, ныряет под хвост «камрюхи». Прячется. Стекла ее тонированные и непонятно, что происходит там, где старый, видавший виды чемодан переходит в шершавые, облупленные стойки и крышу салона. Может быть, бред, галлюцинация?

Не понял Игорь что-то, или же там, за сельскохозяйственным шиком светонепроницаемой пленки просто не видят его? Не понимают, что мешают?

Хорошо. За поворотом снова пусто и чисто. Практически. Попутный грузовик с прицепом. Но далеко, полкилометра. Можно успеть, и «камри» щелкнуть, и грузовик. И успокоиться, и все оставить позади, вновь раствориться в мягком свете, вновь обрести потерянный автоматизм движений, согласие души и тела. Качели серого и голубого.

Итак, попытка номер два. Проверка. Зеркало, поворотник и третья передача для верности.

Нет, Игоря точно не пускают. Со всей определенностью не дают уехать.

– Козлятина!

Кто там, в темном нутре много раз мятой и битой праворучки? Только что, десять минут назад, лишь чудом избежавшей лобового столкновения и снова нагло провоцирующей ДТП? Свора двадцатилетних обормотов? Любовник, демонстрирующей телке удаль? Мент в штатском, не боящийся расплаты? Человек без нервов, который, едва разъехавшись с автобусом, тут же куда-то позвонил по сотовому или отправил смс: «я сделал это снова, ха-ха-ха» – и даже сбросил скорость, чтоб в кнопки пальцами точнее попадать? Потыкал, похвастался, а теперь снова поймал кураж?

Но ведь безумие. Теперь это уже чистое безумие. Прозрачный воздух затвердел, перестал пускать Игоря на уровне крыла, задней двери «камрюхи», которая летит, стремительно приближается к тому, еще минуту, две тому назад казавшемуся таким невинным, далеким, неопасным прицепу. К попутному грузовику.

– Ну тормози же, сукин сын!

А в ответ самое неожиданное, просто взрывающее изнутри. Гудок. Шутник или лихач ему приказывает, Игорю, освободить полкорпуса. Еще раз. Повелительно и резко. Гудок. И что-то в самом деле лопается. Разум, свой собственный, еще мгновение, секунду тому назад казавшийся таким же спокойным и беспредельным, как равновесие осенних красок, как ширина и глубина прохладных чистых далей, весь, выстрелом, сжимается до бусинки, малюсенькой, тупой дробинки:

– А хрен тебе! Хрен в голову и в зубы! Ты тормози! Урод! Помеха у тебя!

И словно обморок. Пыль, шорох, хруст. «Камрюха», бешеная банка с троллями, не сбрасывая ни км, уходит вправо на обочину, ныряет, как будто в праворукую, родную, каким-то бесом приоткрытую на миг реальность, и так обходит грузовик, успев в отместку, напоследок, прежде чем навсегда исчезнуть, запустить камешек Игорю в пассажирскую дверь. Щелчок, переплавленье всех чувств в обиду, в ненависть, в конечную субстанцию безумия – и отрезвление.

Он долго после всего случившегося ехал за грузовиком с прицепом. Не обгонял и даже не догонял. Без мыслей и без чувств. Соединившись не с красотой, а с пустотою дня. И лишь увидев в Демьяновке у придорожного кафе всю ту же «камри», сливу, тертую и мятую, мирно приткнутую к высокому крыльцу, подумал: «Зачем? Зачем? Кто объяснит? Они неслись и двадцать раз чуть не убились? И двадцать раз были готовы убить других? Чтобы поесть? Чтобы отлить? И только-то? А я? Я почему во всем этом участвовал?»

* * *

Когда это началось? Когда он стал ложиться спать с одним желанием: чтобы не наступило утро? С одной мечтою – не увидеть света. Не услышать дня. Шуршание колес, стук каблуков, чужие голоса. Остаться в тишине и темноте навеки, навсегда, в уже прошедшем, уже сгоревшем, в котором ничего, ничего больше не может и не должно случиться.

Когда само существование, жизнь стала повинностью?

Давно. Очень давно. Задолго до того, как превратился в водилу на межгоре. При позднем Горбачеве? В тридцать пять? Когда казалось, что покупает в каком-то шалом кооперативе свой последний в жизни холодильник? «Бирюсу», в которой никогда не будет ни масла, ни сметаны? Или гораздо позже, в сороковник, к закату Ельцина? Когда впервые от Алки стало пахнуть днем? Когда она с работы стала приходить с румянцем?

Нет. Раньше. Много раньше. Со смертью отца. С которым никогда не был близок или откровенен, но унаследовал большое тело с круглой головой. Характер, склонности, привычки. Которого, по сути дела, и не знал, но безоглядно верил. В отца как в олицетворенье принципа – за труд и честь, за честность и вознаграждение.

Через год или два после того, как отец вошел и уже не вышел из хирургического корпуса Третьей городской, да, кажется, в апреле девяносто шестого или же девяносто седьмого, Игорь бежал из института по Весенней и вдруг остановился, увидев, что нету больше вывески «Техническая книга» на знакомом с детства розовом ракушечном фасаде. Помещение очищено, сдано и в нем меняют рамы и двери.

И сразу вспомнил крупную тень за широким и чистым стеклом ближайшего ко входу витринного окна. Отца, что-то быстро выписывающего у стойки в закутке библиографического отдела. Самому себе открытку. Заказ на книжку из перспективного плана издательства «Наука» или «Высшая школа». И сладкое, детское ощущение того, как это здорово, наверное – вот так вот самому себе готовить послание из будущего, самому себе на год вперед размечать путь из радостей, сюрпризов и лишь одних хороших новостей. Знать заранее и наверняка, что эта бабочка-огонек в тебе будет гореть, играть, всегда найдет, чем напитать и желтизну, и красноту, и голубой цветочный ободок.

И что теперь? Кто так цинично вынес на сквозняк и мокрый асфальт и тени, и мечты? Нагромоздил на тротуаре в виде поломанных, ненужных книжных стеллажей, готовых к погрузке в мусоровозку? И что же делать в этой гулкой, холодной пустоте, лишенной органики, способной холить и прятать светлячки куколок, путеводные огоньки тайн? В безбрежном космосе голой прагматики, в котором вечным казавшийся, неугасимым мотылек уже не передастся никому ни косвенно, ни прямо.

Дочь, сразу же, еще при поступлении в мед, объявившая, что разбираться в человеческих несчастьях, бедах и болезнях она не собирается. Освоит хорошенько науку дерматологию, но врачом в поганом КВД не станет, а заделается косметологом. Со своим салоном, магазином и большою клиентурой. Все внешнее, понятное, отчетливое – ничего неясного, невысказанного, туманного и сладкого, где-то там скрытого внутри.

И совершенно так же вот эта пара аспирантов, которых он сегодня по просьбе шефа, заведующего кафедрой, вызванивал для отчета на кафедральном научном семинаре. Один заносчиво проинформировал, что он принят менеджером по продажам в немецкую компанию и будет всю следующую неделю в командировке в Бохуме, а второй и вовсе объявил, что в институте больше не появится. Родители ему недорого купили плоскостопье и послезавтра он получает военный билет. Освобождение на веки вечные.

Да, именно в тот день у исчезающего на глазах, разломанного и разобранного книжного Игорь впервые очень ясно увидел пустоту. Дыру. Буквально и фигурально. То самое, что после него, в отличие от деда или отца, останется. Пшик. Был и сплыл.

Но в тот момент, тогда еще не ахнул, не окаменел, потому что рядом была Алка. Еще была. И думалось, казалось, представлялось – будет всегда.

* * *

На курсе, в институте он никогда к ней не приближался. Слишком уж яркая это была звезда. Дочь заведующего кафедрой марксистско-ленинской философии Айдара Бакимовича

Гиматтинова. Почему она выбрала прикладную кибернетику в политехе, а не историю КПСС в универе, не знала ни одна душа, включая собственную Айдара Бакимовича. Невысокого, очень подвижного человека, так мало требовавшего объема и пространства для своего резинового тела, но голосом, как будто эхом взрыва, заполнявшего любую поточную аудиторию. Его громогласные декламации, обязательный номер программы любого институтского общественного мероприятия, разворачивались перед собравшимися, словно летальный хирургический набор блестящих, ясных и разящих, тогда казалось – прямо наповал, тезисов. Весь словно вывернутый наизнанку, четкий и звонкий, с глазами всегда горящими, как у какого-то особого кота из белки, он был, конечно, полной противоположностью отца, Ярослава Васильевича. Крупного, похожего на стог, рукастого и головастого блондина. Всегда о чем-то своем, принципиально неразделенном думающего.

И точно так же Игорь, ширококостный, округлый, малоразговорчивый, внешне никак не подходил к тому карманному, изящному веретену, которым была невероятно бойкая, фигуристая, с копной смоляных, легкой волной всегда приподнятых волос, Алла Айдаровна. Он, кажется, единственный на курсе не хотел ее и не добивался. Просто не думал о ней, как марсианин не думает о том, что он когда-нибудь к себе подманит и захватит земную спутницу Луну. И вот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.